В. Д. Денисов

ГОГОЛЬ В РАБОТЕ НАД «ИСТОРИЕЙ МАЛОРОССИЙСКИХ КОЗАКОВ»

(Публикация подготовлена
в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 14-04-00510)

Автор рассматривает гоголевскую интерпретацию истории малороссийского козачества[1], источники, на которые опирался писатель, выводы, к которым он пришел в результате их изучения..

Ключевые слова: поэтическая история народа, диалог русской и украинской культур, «Вечера на хуторе близ Диканьки», малороссийские козаки, летописи, «Описание Украйны».

V. Denisov

GOGOL'S WORK ON «HISTORY OF LITTLE RUSSIAN COSSACKS»

The article is devoted to the ways in which Gogol interpreted history of the Little Russian Cossacks, the sources used by the author, and the conclusions he made after examining them.

Keywords: poetic history of the people, the dialogue of Russian and Ukrainian cultures, «Evenings on a Farm Near Dikanka», Little Russian Cossacks, the chronicles, «Description of Ukraine».

Создавая повести «Вечеров на хуторе близ Диканьки» (1831–1832), Гоголь понимал *историю народа* в плане литературно-историософском, и далее он захотел изобразить судьбу козачества в гигантском историко-эпическом повествовании (романе) и/или в грандиозной историософской работе «История Малороссии». С этого времени занятия всемирной, русской и малороссийской историей перемежаются…

Гоголь штудировал многие источники, но особенно ценил летописи. Так, в письме к историку И. И. Срезневскому от 6 марта 1834 г. он упоминал «летописи Конисского, Шафонского, Ригельмана», уточнив: «Печатные есть у меня почти все те, которыми пользовался Бантыш-Каменский» [1], — и просил адресата сообщить выписки из рукописных, еще не опубликованных летописей [4, т. X, с. 298–299]. Кроме того, он использовал летописи Грабянки и Самовидца, «Летопись Малой России, или История Казаков запорожских и Казаков украинских» [12]. Особое внимание он обратил на недавно переведенную книгу «Описание Украйны» [11] французского военного картографа Г. де Боплана, который находился на польской службе с 1631 по 1647 г. и участвовал в подавлении козацких восстаний Павлюка и Острянина (1637–1638). Его книга «Описание окраин Королевства Польши, простирающихся от пределов Московии, вплоть до границ Трансильвании» (1651) впервые познакомила западного читателя с Украиной, ее географией, экономикой, бытом и нравами жителей и поныне не утратила своего значения.

О большом историческом труде Гоголь упомянул в письме к ботанику и фольклористу М. А. Максимовичу от 9 ноября

1833 г.: «Теперь я принялся за историю нашей единственной бедной Украины. Ничто так не успокаивает, как история. Мои мысли начинают литься тише и стройнее. Мне кажется, что я напишу ее, что я скажу много того, что до меня не говорили» [4, т. X, с. 284]. 23 декабря 1833 г. он сообщил А. С. Пушкину, что «достал летопись без конца, без начала, об Украйне, писанную, по всем признакам, в конце XVII века», а в Киеве (если ему дадут место профессора в Киевском университете) он сможет закончить «историю Украйны и юга России» [4, т. X, с. 290]. Чуть позже, в письме историку М. П. Погодину от 11 января 1834 г. Гоголь признавался: «Ух, брат! Сколько приходит ко мне мыслей теперь! да каких крупных! полных, свежих! мне кажется, что сделаю кое-что необщее во всеобщей истории, малороссийская история моя чрезвычайно бешена, да иначе, впрочем, и быть ей нельзя. Мне попрекают, что слог в ней слишком уже горит, не исторически жгуч и жив; но что за история, если она скучна!» [4, т. X, с. 294]. Видно, в то время он считал **художественными** и «мысли» о всеобщей и украинской истории, и «пламенный слог» их воплощения — в отличие от Н. М. Карамзина, настаивавшего на объективности и беспристрастности историка [6, т. 1, с. 18].

Научно-художественный замысел Гоголя требовал все новых и новых материалов, и тогда в начале 1834 г. в газетах «Северная Пчела» и «Молва», в журнале «Московский Телеграф» было напечатано «Объявление об издании Истории Малороссийских казаков» [2], где сказано, что «еще не было полной, удовлетворительной истории Малороссии и народа, действовавшего в продолжение почти четырех веков независимо от России», не было показано, «как образовался... этот *воинственный народ* (курсив автора. — *В. Д.*), козаки, означенный совершенною оригинальностью характера и подвигов», и его «место в истории мира»… Намечая главные цели такого труда, Гоголь набросал развернутый план предисловия (или вводной статьи): «...представить обстоятельно, каким образом отделилась эта часть России; как образовался в ней этот воинственный народ <…> как он три века с оружием в руках добывал права свои и упорно отстоял свою религию; наконец, как нечувствительно исчезало воинственное бытие его и превращалось в земледельческое; как мало-помалу вся страна получила новые взамен прежних права и наконец совершенно слилась с Россиею». Далее сообщалось, что автор «около пяти лет собирал… с большим старанием материалы» и «половина… истории почти готова», но с выпуском он медлит, «подозревая существование многих источников... неизвестных, которые, без сомнения, где-нибудь хранятся в частных руках», и потому предлагал присылать ему «какие бы то ни было материалы: записки, летописи, повести бандуристов, песни, деловые акты, особливо относящиеся к первобытной Малороссии...» [4, т. IX, с. 76–77].

В письме М. А. Максимовичу от 12 февраля 1834 г. Гоголь обещает «Историю Малороссии», написанную «в шести малых или в четырех больших томах», «от начала до конца» [4, т. X, с. 297]. Но уже И. И. Срезневскому, который откликнулся на «Объявление» и предложил прислать необходимые материалы, 6 марта 1834 г. Гоголь пишет о том, что «недоволен польскими историками», а к украинским «летописям охладел, напрасно силясь в них отыскать то, что хотел бы отыскать. Нигде ничего о том времени, которое должно бы быть богаче всех событиями <...>. И потому-то каждый звук песни мне говорит живее о протекшем, нежели наши вялые и короткие летописи…» [4, т. X, с. 298–299]. Фактически

это **приговор художника** задуманной «Истории Малороссии».

По мнению исследователей, именно в марте — апреле 1834 г. была вчерне набросана повесть «Тарас Бульба» — этот «поэтический» вызов компиляциям, скучно-научным трудам, тенденциозным летописям и лживым сочинениям, что, вероятно, разрушило прежний замысел «Истории» (хотя и позднее в «Отчете по Санктпетербургскому учебному округу за 1835 год» утверждалось, что Гоголь «занимается… разысканием и разбором для Истории малороссиян, которой два тома уже готовы, но которые, однако ж, он медлит издавать до тех пор, пока обстоятельства не позволят ему осмотреть многих мест, где происходили некоторые события» (цит. по изд.: [10, с. 150]).

Началом подобного большого исторического сочинения обещал стать «Отрывок из Истории Малороссии», опубликованный в 1834 г. вместе со статьей «О малороссийских песнях» [3]. Однако напрасно читатель стал бы искать фактической точности, перечня дат и событий — даже все «приложения и ссылки» были отложены «за недостатком места» [4, т. VIII, с. 592]), ибо идея «поэтической истории народа» оказалась здесь воплощена живым, образным повествованием, своего рода исторической «поэмой» о козаках как основе нации, ее стержне, «соли земли». Видимо, потому Гоголь и не делил козачество на Запорожское и «остальное», обходя актуальные тогда вопросы о происхождении козаков и слова «козак».

В первую очередь, это вопрос об отношении к запорожцам. В украинском фольклоре запорожец — только положительный герой, легко берущий верх над врагами, демоническими силами и смертью. Обычно вертепное «представление оканчивалось дракою Запорожца со смертию, побиением и бегством последней, уничижением черта пред Запорожцем...» [13, с. XVI–XVII]. Но в повести Гоголя «Пропавшая грамота» удалец-запорожец, не уступающий ни в чем козаку, посланцу гетмана, когда-то продал душу черту, а потому и козак вынужден иметь дело с нечистой силой. В повести «Ночь перед Рождеством» бывший запорожец Пузатый Пацюк (Крыса) фантастически ленив, прожорлив и, как считает село, «немного сродни черту», хотя он «знахарь» и провидец [4, т. I, с. 222–223]. В столице же запорожцы показаны простыми и наивными, как дети, хотя «дети» хитрые, грубые, надменные, невежественно-жестокие. Подобная «двойственность» их образов явно обусловлена трактовкой запорожцев в отечественной историографии, публицистике и литературе того времени.

С конца XVIII в. запорожские козаки (**но не** малороссийское козачество), как правило, изображались «изменниками» и «разбойниками». На то были причины… В 1708 г. после измены гетмана Мазепы часть запорожцев влилась в его войско и сражалась с армией Петра I, а затем ушла в днепровские низовья под руку крымского хана. И тогда Старая Сечь на острове Чертомлык в 1709 г. была разрушена регулярными войсками, запорожцы стали врагами России, а если их ловили, то сразу вешали. В 1733 г. запорожцы отказались помочь мятежу поляков против русских, и в 1734 г., после официального помилования, им разрешили вернуться к охране российских границ. На Днестре под Никополем они основали Новую Сечь и постепенно превратили ее в центр антифеодального движения. После разгрома пугачевщины в 1775 г. она была разорена, и тогда многие запорожцы ушли в Турцию, где основали Сечь Задунайскую, то есть вновь, с точки зрения России, переметнулись к врагу...

Восприятие запорожцев стало иным после того, как войско задунайцев во главе

с кошевым Осипом Гладким к началу русско-турецкой войны в 1828 г. перешло на российскую сторону, повернув оружие против турок. Переменившееся отношение к запорожцам и Сечи на рубеже 1830-х годов отразилось в стихах Н. Маркевича [13], в подборе запорожских песен и дум в сборниках Срезневского [12] и Максимовича [14] — **наряду** с традиционной демонизацией запорожцев (ей по-своему отдал дань в «Вечерах» и Гоголь).

Второй — не менее острый, связанный с первым вопрос о соотношении запорожских козаков и малороссийского козачества. В «Краткой летописи Малой России с 1506 по 1776 год» говорилось, что «поляки, владеющие Киевом и Малою Россиею», хотели «в работе и подданстве людей малороссийских украинских содержать, которые, не приобыкши жить в невольничьей службе, избрали себе место пустое около Днепра, ниже порогов Днепровых, на жилье, где в диких полях, упражняясь в звериных и рыбных ловлях, при том Бусурман, на море разбивающи, укрощали, называясь Козаками от древних Козаров, рода славено-российского, при Кагане еще служивших в походах на Грецию <…>. Король Жигмунт I (Сигизмунд I. — *В. Д.*)», в ответ на разорение Малой России татарским ханом Мелик-Гиреем, в 1516 г. «собрал охотного войска как поляков, так и козаков многое число, которые завоевали турецкий Белгород и возвращаясь с корыстьми, как на них напали турки и татары, хотя отнять корысти, то они и тех нападших на себя победили, и от того времени не только козаки, но и поляки назывались козаками, аки бы вольными бесплатежными воинами. От того ж времени козаки малороссийские, чрез храбрость и силу, отменную и повсюду гремящую славу приобрели, воюя часто с турками, и в тех войнах к алчбе и жажде, к морозу и зною приобыкли.

Каким же порядком и ныне еще живут, какое у них оружие и пища, о сем всякому известно быть может, да они ж в праздности жить никогда не любят, и для малой славы великую нужду принимают, и море переплывать отваживаются, и в лотках подъежжая под турецкие города и разоряя оные, с корыстьми в домы возвращаются, и для… военных дел их за честь вменяли из высоких польских фамилий быть у них Гетманами…» [7, с. 4–6].

Согласно «Летописи…», козаками стали украинцы, ушедшие от польской «неволи» за пороги Днепра, «в дикие поля» (степи), они же «разбивали» басурманов (мусульман) на море. Намечены их исторические связи с хазарами и Хазарским каганатом, в начале X в. занимавшим часть Северного Кавказа, Крыма, Приазовья и Приднепровья. То есть козаки не различаются между собой: у них общее «древлее имя» и происхождение, одни и те же занятия.

В дальнейшем многие отечественные историки также представляли козаков основой всего народа, не отделяя от Запорожской Сечи, — хотя ряд западноевропейских авторов представляли именно запорожцев как основу и отдельную, лучшую часть козаков. Например, французский историк и дипломат Шерер, восхищаясь тем, что запорожцы долгое время спасали и себя, и Европу от «наступления полумесяца», видел у «граждан этой республики» (Сечи) спартанское воспитание, готовность к бою, как у римлян; они всегда отважно защищали свой край и не зарились на чужие земли [15, с. 4].

В «Записках о Малороссии, ее жителях и произведениях» (по-видимому, Гоголю известных) Я. Маркович утверждал, что «происхождение Козаков есть нерешимая в истории задача. Некоторые производят их от Козар и Коссогов, обитавших в древние времена при Днепре, или от какого-то

вождя, Козаком именуемого… а по другому название сие произошло от того, что несколько поляков и малороссиян поселились на Днепровской косе, где они занимались ловлею диких коз... Может быть всех вероятнее следующее мнение, что в начале XVI века некто …по прозванию *Дашкевич*, видя частые от Крымских татар набеги, уговорил многих единоземцев своих для отогнания неприятеля сего от своих пределов. Сие имело щастливый успех; и победители назвались тогда Козаками, что значит на татарском языке *легковооруженные*» [9, с. 38].

Версию, иначе объяснявшую все прежние, выдвинул Н. М. Карамзин. В т. V «Истории государства Российского» (1813) происхождение козаков он возводил к племенам «Торков и Берендеев», обитавших с дохристианских времен «на берегах Днепра, ниже Киева» (где потом жили козаки). Те «назывались *Черкасами*: Козаки также» — согласно официальным актам и документам Русского государства во 2-й половине XVI — 1-й половине XVII века (после воссоединения они стали именоваться «малороссийскими казаками»).

Эти и другие доказательства позволили автору сделать вывод, что «Торки и Берендеи, называясь *Черкасами*, назывались и Козаками; что некоторые из них, не хотев покориться ни Моголам, ни Литве, жили как вольные люди на островах Днепра, огражденных скалами, непроходимым тростником и болотами; приманили к себе многих Россиян, бежавших от угнетения; смешались с ними, и под именем *Козаков* составили один народ, который сделался совершенно Русским, тем легче, что предки их, с десятого века обитав в области Киевской, уже сами были почти Русскими. Более и более размножаясь числом, питая дух независимости и братства, Козаки образовали воинскую Христианскую Республику в южных странах Днепра, начали строить селения, крепости в сих опустошенных татарами местах; взялись быть защитниками Литовских владений со стороны Крымцев, Турков, и снискали особенное покровительство» Государей Польских; а запорожцы всегда «были частию Малороссийских» козаков, и потому «сочинения о *Козаках Запорожских* <…> в 948 году» — просто «басни» [6, т. V, с. 215–216].

Итак, по мысли Карамзина, козаки произошли от неких полуазиатских разбойничьих племен (кто не знал тогда, что *черкесы* разбойники?!), обитавших в Древней Руси близ Киева, принявших Православие, почти русских, а потом уже совсем с ними «смешавшихся». Затем они образовали свою Христианскую Республику в «опустошенных татарами местах», защищали Литву и Польшу, за что польские короли преобразовали их войско и даровали привилегии. А запорожцы были теми же козаками — но *холостыми*, более жестокими, не знавшими занятий, «кроме войны и грабежа». Это обнажает идеологическую задачу автора: показать козаков, чье наименование восходило к турецкому языку[2], — не совсем русскими, но и не совсем разбойниками, в их массе «растворив» запорожцев. И тогда «азиатское варварство» козаков объясняется просто и естественно: «разбойничья кровь!» (на этом будет основано множество сочинений, изображавших козаков разбойниками).

Позднее авторы брали одну из приведенных версий происхождения и названия козаков / казаков или предлагали свою — обычно «литературно-философическую», объединяя варианты. Так, в известном Гоголю-гимназисту сочинении «Малороссийская деревня» (1827) учитель латинского языка И. Г. Кулжинский вспоминал «то незабвенное в летописях время, когда козаки, основав из себя народ независимый и гордый, долго оставались предметом соблазна для честолюбия и спокойствия

своих соседей. О происхождении сих могучих сынов брани и раздора можно то же сказать, что говорится о происхождении римлян. Шайка молодых людей, недовольных собою и, может быть, собственным сердцем, удалилась от взоров людей в обширные степи и, основавши там свое общество, страшными воинскими криками дала знать людям о своем существовании» [8, с. 104–105]. Такое цветистое определение противоречиво и весьма сомнительно... Например, если козаки — лишь «сыны брани и раздора», как могла их «шайка» стать «могучим обществом»? И стали бы они воевать только для самоутверждения и потому беспокоить «соседей»?

В официозной «Истории Малой России» (Гоголь ее прилежно штудировал, но отнюдь не со всем мог согласиться) Д. Н. Бантыш-Каменский сообщал: «…иностранные писатели весьма забавным образом изъясняют происхождение названия Козаков: Гербиний производит слово Козак от польского *Kossa* (коса или серп), потому что, по его мнению, Козаки или, по крайней мере, некоторая из них часть вооружены были косами. Пясецкий, Гарткнох и Ле Шевалье от *козы*, с которою сравнивают они проворство, ловкость и оборотливость Козаков в непроходимых местах! Зиморович от слова *Козака*, означающего, будто, на нашем языке муху!! желая чрез то показать сходное Козаков с мухами непостоянство и наглость; Де Гюинь от *Kiptschak*, и так далее! <…> Козаками назывались все военнослужащие в Малой России. Так было и у татар», которые «именовали Козаками всех вольных бездомовных людей, промышлявших военным ремеслом» ([1, ч. 1, с. 14]. Курсив автора. — *В. Д.*).

В фольклорном сборнике «Запорожская старина» историк и филолог-славист И. И. Срезневский стилизовал такие определения под старославянский язык летописей: «А нарицахуся Козаками, яко глаголят, от древнего рода своего Козарска. Аще убо Веспасиян Коховский и от коз диких Козаков нарицает, яко тем скоростью добране соравняются, и ловом тех упражняхуся наипаче; но не прилично от коз Козаков нарицати. Приличнее Стриковский нарицает Козаков от древнего и славного их вождя Козака. Александер же Гванин от свободы нарицает Козаками, занеже яко продкове их не от нужд коей, но по доброй воле, охотне, и без найму на брань хождаху, тако и ныне Козаки храбрости своей не сокрывающе, ко брани охочи, видят бо вси на око, яко немцы, поляки и турки берут наем многий и между собою только биющиеся показуют храбрость, сопротивным же скоро дают прещи; и мужество их вси видят, ибо спод Лядского ига малою силою отъемльшися, на многих бранех Ляхов победиша и Лядскую всю землю повоеваша» [12, отд. II, с. 18–19]. Эти формулировки можно свести к четырем: 1) козаки возводят свое название к козарам; 2) неприлично называть козаков от «козы», как Коховский; 3) лучше, как Стриковский, именовать их по вождю Козаку, или же 4) от свободы, как Гванин, ибо козаки доказали это своей историей.

Примечательна точка зрения российского переводчика книги Боплана: «Украйна, родная нам и по вере, и по языку, и по происхождению обитателей, отторгнута была литовцами от России в бедственные времена татарского владычества и вместе с Литвою в XIV в. досталась Польше. С сего времени многие россияне, не терпевшие владычества поляков, соединились на берегах Днепра, в южных степях Украйны, опустошенных татарами, построили селения, крепости — и под именем казаков с XVI в. прославились в истории удальством редким, неимоверным. Рожденные для войны, с молоком матерним всасывая страсть к битвам, ненависть к мусульманам, они долго служили стражами литовским

и польским владениям против татар и турков, ежегодно выплывали в Черное море, производили отважные поиски в Крыму, в Малой Азии, даже в окрестностях Константинополя. Воинственная жизнь, зависимость от поляков, беспрерывные связи с татарами изменили их обычаи, самый язык, но вера и любовь к Отечеству всегда напоминали им, что они — сыны России <…> в смуты Самозванцев явились если не врагами России, по крайней мере — своевольными хищниками; эту вину они загладили, избавив в пол. XVII в. Малороссию от власти иноплеменников и возвратив Отечеству древнее достояние оного <…> в это время казаки явили доблесть героев» [11, с. VI–VII].

Сам же Боплан описывал козаков, в первую очередь, как запорожцев, «искусных во всех ремеслах, необходимых для общежития: плотников для постройки домов и лодок, тележников, кузнецов, ружейников, кожевников, сапожников, бочаров, портных и т. д.»; они «весьма искусны в добывании селитры, которою изобилует Украйна, и в приготовлении пушечного пороха <…>. Все казаки умеют пахать, сеять, жать, косить, печь хлебы, приготовлять яства, варить пиво, мед и брагу, гнать водку и проч. <…> Впрочем, справедливо и то, что они вообще способны ко всем искусствам, хотя некоторые из них опытнее в одном, чем в другом. Встречаются также между ими люди с познаниями высшими, нежели каких можно было бы ожидать от простолюдинов. Одним словом, казаки имеют довольно ума, но заботятся только о полезном и необходимом, особенно о вещах, которые нужны для сельского хозяйства. Плодородная земля доставляет им хлеб в таком изобилии, что они часто не знают, куда девать оный…»; а «в мирное время охота и рыбная ловля составляют главное занятие казаков» [11, с. 5–6, 10].

У них русская — «греческая вера», и они соблюдают посты, обходясь без мяса, но никогда — без напитков! Все они, «без различия пола, возраста и состояния, стараются превзойти друг друга в пьянстве и бражничестве, и едва ли найдутся во всей Христианской Европе такие беззаботные головы, как казацкие <…> нет на свете народа, который мог бы сравниться с казаками в пьянстве: не успеют проспаться и вновь уже напиваются… в досужее время», — зато в походе или на каком-то предприятии они трезвы. «Соединяя с умом, хитрым и острым, щедрость и бескорыстие, казаки страстно любят свободу, смерть предпочитают рабству и для защищения независимости часто восстают против притеснителей своих — поляков: на Украйне не проходит 7 или 8 лет без бунта. Впрочем, коварны и вероломны, а потому осторожность с ними необходима; телосложения крепкого, легко переносят холод и голод, зной и жажду; в войне неутомимы, отважны, храбры или, лучше сказать, дерзки и мало дорожат своею жизнью. Метко стреляя из пищалей… казаки наиболее показывают храбрость и проворство в *таборе*, огороженные телегами, или при обороне крепостей <…> сотня их в *таборе* не побоится ни тысячи ляхов, ни… тысяч татар. Если бы конные казаки имели такое же мужество, как пешие, то были бы, по-моему, непобедимы. Одаренные от природы силою и ростом видным, они любят пощеголять… когда возвращаются с добычею, отнятою у врагов, обыкновенно же носят одежду простую»; все они «пользуются крепким здоровьем <…>. Не многие из них умирают на постели и в глубокой старости: большая часть оставляет свои головы на поле чести» [11, с. 6–8].

Эти наблюдения и картины долгое время были единственным источником для изучения прошлого Украины, основывался на них и Гоголь. Указанные черты характера

и жизни козаков (отвага, предприимчивость, мужество, пьянство в быту, но трезвость в походе, защита в *таборе* и т. п.) Гоголь сделал важнейшими в структуре художественно-публицистических козацких образов. Он и доверял сведениям очевидца, и переосмысливал или иначе истолковывал их. Так, в черновых набросках писатель резюмировал приведенные выше наблюдения: «Этот народ не имел строгой расчетливости и размера на всю жизнь, следствие местоположения, беспечность, равнодушие к богатству и неуверенность в нем. Часто все, накопленное трудами, обращало<сь> в одну праздничную попойку, в увеселение и забвение на одну минуту.

<Отсюда идет> особенная страсть к увеселениям, к общественным гульбищам <…>. Улица делается всеобщим собранием <…>

Все, что до наслажденья относилось, все это имел народ. Он в этом не отказывал себе никогда. Разнообразие разных блюд, совершенно отличных в разные времена года, в разных случаях» [4, т. VIII, с. 600]. Комментируя похвалу: «…надобно отдать справедливость украинским девицам. Хотя свобода пить водку и мед могла бы довести до соблазна, но торжественное осмеяние и стыд, коим подвергаются они, потеряв целомудрие, удерживают их от искушения» [11, с. 77]. Гоголь размышлял: «Как просто, как высоко постигнуто это удержимое средство... Человек ничего так не боится, как стыда», — и видел именно в этом причины народной «вольности в обращении» [4, т. VIII, с. 600].

Другой, более важный для нас пример. В гоголевских записях по истории Украины есть примечание к основному тексту, явно позднее других вписанное на чистой странице: «Около порогов водился род диких коз — сугаки, с белыми лоснящимися рогами, с мягкою, атласною шерстью» [5, л. 4]. Это краткое переложение рассказа Боплана о «животном, которое по-русски называется сугаком. Величиною оно с козу, ноги имеет весьма тонкие, на голове два рога белые и лоснящиеся, шерсть мягкую, гладкую и нежную, как атлас, когда животное линяет <…>. Я пробовал его мясо: вкусом оно не уступает козлятине…» [11, с. 92]. И это «излишнее», немотивированное примечание о водившихся у днепровских порогов «диких козах» (его затем Гоголь ввел в текст своей исторической статьи), вероятно, следует понимать как скрытое указание на то, что, по его мнению, слово «козак» все же произошло от «козы».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Здесь и далее в слове *козак* и производных от него (для Гоголя они обозначали воинское единство, какое сложилось в особых исторических условиях и стало основой народа) в тексте нашей статьи сохранено написание гоголевских черновых редакций, которое в то время цензура, как правило, заменяла на *казак* и подобные.

[2] Карамзин отмечал, что козак — «слово в Турецком языке… новое и произошло от разбоев Козацких. Некоторые иностранные писатели производят название Козак от *косы*, *козы*, *козявки*, *козаров*, *Кипчака* и проч.» [6, т. V, с. 395. Курсив автора]. Однако *козаками* звали «*вольницу*, *наездников*, *удальцов*, но не *разбойников*», ведь это имя, «без сомнения, не бранное, когда витязи мужественные, умирая за вольность, отечество и Веру, добровольно так назвалися» [6, т. V, с. 215–216].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бантыш-Каменский Д. Н.* История Малой России, от присоединения ея к Российскому государству до отмены гетманства, с общим введением, приложением материалов и портретами: В 4 т. М., 1822; цит. по изд.: *Бантыш-Каменский Д. Н.* История Малой России. 2-е изд., перераб. и доп. М., 1830. Ч. 1–3.

2. <*Гоголь Н.*> Об издании Истории Малороссийских казаков // Северная Пчела. 1834. № 24. От 30 января; Московский Телеграф. 1834. № 3; Молва. 1834. № 8 (под заглавием «Об издании Истории Малороссии»).

3. *Гоголь Н.* Отрывок из Истории Малороссии. Т. I. Кн. I, глава 1; О малороссийских песнях // Журнал Министерства Народного Просвещения. 1834. № 4. Отд. II. С. 1–26.

4. *Гоголь Н. В.* Полн. собр. соч. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1937–1952. Т. I–XIV.

5. Записная тетрадь Гоголя, из числа принадлежавших И. С. Аксакову. Отдел рукописей РНБ. Фонд 199. Ед. хр. 1.

6. *Карамзин Н. М.* История государства Российского: В 12 т. (репринт 1-го изд.). М.: Наука, 1989.

7. Краткая летопись Малыя России с 1506 по 1776 год, с изъявлением настоящего образца тамошнего правления и с приобщением списка преждебывших Гетманов, Генеральных Старшин, Полковников и Иерархов; також землеописания с показанием городов, рек, монастырей, церквей, числа людей, известий о почтах и других нужных сведений, издана Васильем Григорьевичем Рубаном. СПб., 1777. 118 с.

8. *Кулжинский И.* Малороссийская деревня. М., 1827. 136 с.

9. *Маркович Яков.* Записки о Малороссии, ее жителях и произведениях. СПб., 1798. Ч. I. 102 с.

10. *Машинский С. И.* Художественный мир Гоголя. М.: Просвещение, 1971. 512 с.

11. Описание Украйны, соч. Боплана / Пер. с фр. Ф. Устрялов. СПб., 1832. 179 с.

12. *Срезневский И. И.* Запорожская старина. Ч. 1. Песни и думы о лицах и событиях до Богдана Хмельницкого. Харьков, 1833. 132 с.

13. Украинские мелодии. Соч. Ник. Маркевича. М., 1831. 155 с.

14. Украинские народные песни, изд. М. Максимовичем. М., 1834. Ч. 1. Кн. I–II. 180 с.

15. <*Шерер Ж. Б.*> Annales de la Petite-Russie, ou L’Historire des Casaques Saparogues et les Casaques de l’Ukraine. Paris, 1788.

REFERENCES

1. *Bantysh-Kamenskij D. N.* Istorija Maloj Rossii, ot prisoedinenija eja k Rossijskomu gosudarstvu do otmeny getmanstva, s obshchim vvedeniem, prilozheniem materialov i portretami: V 4 t. M., 1822; tsit. po izd.: *Bantysh-Kamenskij D. N.* Istorija Maloj Rossii: Ch. 1–3. 2-e izd., pererab. i dop. M., 1830.

2. <*Gogol' N.*> Ob izdanii Istorii Malorossijskih kazakov // Severnaja Pchela. 1834. № 24. Ot 30 janvarja; Moskovskij Telegraf. 1834. № 3; Molva. 1834. № 8 (pod zaglaviem «Ob izdanii Istorii Malorossii»).

3. *Gogol' N.* Otryvok iz Istorii Malorossii. T. I. Kn. I, glava 1; O malorossijskih pesnjah // Zhurnal Ministerstva Narodnogo Prosveshchenija. 1834. № 4. Otd. II. S. 1–26.

4. *Gogol' N. V.* Poln. sobr. soch. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1937–1952. T. I–XIV.

5. Zapisnaja tetrad' Gogolja, iz chisla prinadlezhavshih I. S. Aksakovu. Otdel rukopisej RNB. Fond 199. Ed. hr. 1.

6. *Karamzin N. M.* Istorija Gosudarstva Rossijskogo: V 12 t. (reprint 1-go izd.). M.: Nauka, 1989.

7. Kratkaja letopis' Malyja Rossii s 1506 po 1776 god, s izjjavleniem nastojashchego obraztsa tamoshnego pravlenija i s priobshcheniem spiska prezhdebyvshih Getmanov, General'nyh Starshin, Polkovnikov i Ierarhov; takozh zemleopisanija s pokazaniem gorodov, rek, monastyrej, tserkvej, chisla ljudej, izvestij o pochtah i drugih nuzhnyh svedenij, izdana Vasil'em Grigor'evichem Rubanom. SPb., 1777. 118 s.

8. *Kulzhinskij I.* Malorossijskaja derevnja. M., 1827. 136 s.

9. *Markovich Jakov.* Zapiski o Malorossii, ee zhiteljah i proizvedenijah. SPb., 1798. Ch. I. 102 s.

10. *Mashinskij S. I.* Hudozhestvennyj mir Gogolja. M.: Prosveshchwenie, 1971. 512 s.

11. Opisanie Ukrajny, soch. Boplana / Per. s fr. F. Ustrjalov. SPb., 1832. 179 s.

12. *Sreznevskij I. I.* Zaporozhskaja starina. Ch. 1. Pesni i dumy o licah i sobytijah do Bogdana Hmel'nitskogo. Har'kov, 1833. 132 s.

13. Ukrainskie melodii. Soch. Nik. Markevicha. M., 1831. 155 s.

13. Ukrainskie narodnye pesni, izd. M. Maksimovichem. M., 1834. Ch. 1. Kn. I–II. 180 s.

15. <*Sherer Zh. B.*> Annales de la Petite-Russie, ou L’Historire des Casaques Saparogues et les Casaques de l’Ukraine. Paris, 1788.